Глава 377. Он своего дождется (часть вторая)

Когда ров был заполнен, несколько человек сумело перебраться на ту сторону, срубить изгородь и войти в лагерь, однако сразу же восемь из них полегло от стрел, пущенных кем-то в толпе. К счастью, в рядах Северо-западной армии царил полнейший беспорядок, и ураганный корпус понес лишь весьма незначительные потери.

Командир корпуса пришел в ярость! Все работы, связанные с устранением препятствий, в частности закапывание рвов, должны делать пехотинцы! Разве должны всадники, столь ценные для армии, выполнять эту грязную работу? Ведь это же попросту пустая трата кадров!

Потеряв еще несколько воинов, всадники ураганно корпуса наконец въехали в ставку лагеря Северо-западной армии, нанеся противнику удар сбоку.

Это заставило солдат Северо-западной армии утратить всякую надежду на победу. Когда солнце почти зашло за горизонт, сражение постепенно прекратилось. Большая часть солдат Северо-западной армии уже опустило оружие и встало на колени, добровольно сдаваясь в плен. Однако, в это время на поле боя произошло еще одно важное событие… Среди столичных гвардейцев было несколько отчаянных офицеров, славившихся особой жестокостью. Взяв небольшой отряд, они въехали в лагерь и устроили зверскую резню, убивая даже тех солдат, которые уже капитулировали. Видя стоящего на коленях бойца, они тут же подъезжали к нему и с размаху сносили ему голову.

Столь зверский поступок, граничащий с безумием, пробудил в солдатах Северо-западной армии последний подъем боевого духа. "Что за черт? - думали они. - И сдавшихся рубят? Тогда какой смысл сдаваться? Лучше погибнуть в бою!"

И хотя это движение носило довольно незначительный характер, но вскоре стало понятно, что оно могло вырасти в большую проблему. К счастью, вторжение ураганного корпуса помешало дальнейшему распространению волны сопротивления. Все восставшие были уничтожены, и движение захлебнулось.

Однако, это событие повлекло за собой множество конфликтов, произошедших уже после окончания войны. Все были уверены, что бои к тому моменту уже полностью завершились. В лагерном штабе Северо-западной армии уже не были слышны призывы убивать, отряды один за другим сдавались в плен, многие отбросили оружие, сняли доспехи и со шлемами в руках выстроились возле палаток. Контролировали их построение всадники ураганного корпуса, у каждого из них в руке было зажато копье, приготовленное на случай, если в рядах пленных вновь вспыхнет восстание.

Кроме того, это был еще и знак недоверия к столичным гвардейцам, питающим к убийству капитулировавших особую страсть. Их поступок само собой породил страх среди солдат неприятельской армии, поэтому ураганный корпус вызвался лично контролировать процесс сдачи в плен.

В глазах всадников ураганного корпуса гвардейцы были не более чем шайкой оголтелых придурков, которые только и знали, что убивать и совершать подвиги за чужой счет. Войдя в лагерь, они тут же принялись присваивать себе все вооружение и ценные предметы, оставленные без присмотра, а затем разделились на отряды и развернули террор.

Если бы они не стали казнить всех подряд, то война закончилась бы как минимум на час раньше.

После войны, гвардейцы, разумеется, не удосужились прибрать за собой поле брани. Когда люди Бохана, назначенные ответственными за его уборку, начали вывозить тела убитых, то обнаружили, что у многих из них отсутствовала голова. Оказалось, что гвардейцы сразу после окончания сражения подобрали отрубленные головы и, размахивая ими, гордо покинули поле. Эти "трофеи", а также все награбленное добро они с гордостью на глазах у всех погрузили в свои обозы и уехали.

Телеги одна за другой перевезли большую часть вооружения в лагерь столичной гвардии. Когда эта новость достигла ушей генерала Андре и генерала Бохана, они были разъярены до крайнего предела. Однако, что-либо предпринимать было уже поздно.

Из пятидесяти тысяч солдат Северо-западной армии на поле боя погибло около восемнадцати тысяч, остальные сдались в плен.

Командующий ураганным корпусом генерал Андре отправил гонца передать в лагерь столичной гвардии письмо. В нем он строго порицал поступок офицеров и солдат-гвардейцев. Генерал-губернатор Бохан был также недоволен их поведением, а потому остался вместе с Андре наводить порядок на поле битвы, подсчитывать потери, разбирать оставленное после битвы имущество. Затем они вместе со свитой поехали в крепость, чтобы встретиться с Герцогом Тюльпаном.

В конце концов, Двэйн был немного выше их по рангу, а потому генералы заключили, что только в его компетенции помочь им восстановить справедливость, и они надеялись, что она в действительности будет восстановлена.

Когда генералы Бохан и Андре сражались с Северо-западной армией, Двэйн в это время преследовал Сибастера. Вернувшись в крепость, он узнал, что война уже почти закончилась. Двэйн потихоньку запер воина в своих личных покоях, а затем снова поднялся на вершину башни, чтобы посмотреть, что происходит на поле битвы. Он также приказал согнать двадцать тысяч новобранцев посмотреть на исход битвы.

С такого близкого расстояния они могли наблюдать непосредственно за действиями каждого отряда и почувствовать всю жестокость кровавой войны. Так они могли наиболее полно познать ее дух, а также понять, что такое быть настоящим воином.

Двэйн также увидел и то, что творили на поле боя столичные гвардейцы. Он тоже глубоко порицал их поступок, однако при этом на его лице не отразилось ни одной, сколько-нибудь явной эмоции.

Наконец, генералы Андре и Бохан въехали в крепость. Когда они предстали перед Двэйном, то по их голосу и выражению лица было очевидно, что они испытывают крайнее недовольство. Бохан, будучи еще и гражданским чиновником, старался держать себя в руках, но в его речах чувствовалось сильное недовольство.

Но генералу Андре сдержанность была не ведома. Он был воином, а потому был груб и прямолинеен. Он с сожалением рассказал о событиях на поле боя, периодически употребляя нецензурные слова, которые бытуют среди северных народов Империи. В конце он добавил:

- Ваша Светлость, Герцог Тюльпан, я никогда еще прежде не видел такого сражения. Ведь план действия был обговорен еще задолго до сражения, но он не пожелал следовать ему! Он лишь заботился о том, как побольше награбить. Черт! Что же это за война такая? Пехота вырвалась вперед и загородила вход в лагерь, не давая проехать моим всадникам! Я послал людей поторопить их, но он не придал моим словам никакого значения. В конце, когда солдаты

Северо-западной сдались в плен, он вопреки здравому смыслу начал убивать военнопленных, и это, кстати, привело к тому, что многие сдавшиеся вдруг начали оказывать сопротивление! А сколько наших людей погибло в результате их сопротивления! Что за идиот, откуда он вообще взялся? Я подаю на него жалобу, я призываю его к ответу! Я хочу добиться его отставки и казни!

Двэйн вздохнул и, сказав несколько успокоительных слов, в конце медленно произнес:

- Я предлагаю поступить так. Прошу вас двоих сохранять спокойствие, в этой войне командующим столичной гвардией назначен генерал Аэрпай. Думаю, он немного позже тоже приедет ко мне с визитом. Когда он придет, мы снова поднимем этот вопрос.

Троица прождала генерала довольно долго. Вскоре начало смеркаться, но командующий столичной гвардии так и не появился.

Надо сказать, что в этой войне высшим должностным лицом был Двэйн, он же был хозяином здешних земель. Раз война уже закончилась, генерал, возглавлявший столичную гвардию, должен был непременно отчитаться перед своим начальником, то есть перед Герцогом Тюльпаном, но в итоге в крепости так и не появился. Вместо него поздно вечером в крепость пришло письмо.

В письмо был вложен официальный документ. Когда Двэйн прочел его, его лицо сделалось мрачным.

В этом документе говорилось о результатах войны, но в крайне невежливой и даже в некоторой степени презрительной форме. Такое отношение к своему начальству было просто вопиющим.

- Уважаемый Герцог Тюльпан. Потери в моей части составили три тысячи шестьсот двадцать два человека, ранено одна тысяча четыреста человек. Мое подразделение уничтожило шестнадцать тысяч четыреста вражеских солдат, не считая пленных. Ценности, захваченные в лагере неприятеля - стандартные клинки - семь тысяч, доспехи с щитами - четыре тысячи, провиант и корм для скота не подсчитан…"

Андре, стоявший рядом с Двэйном и вместе с ним читавший этот документ, разразился грязными ругательствами:

- Бесполезный шлак! Сука! Что значит, уничтожили десять тысяч вражеских солдат? Блять! Да ведь добрую половину из этого числа уничтожили мои люди! Я, как Ваш преданный слуга, скажу Вам, эти столичные гвардейцы в конец оборзели! Немало моих людей может подтвердить, что они специально утаскивали из-под наших ног трупы и снова кромсали их и отрубали головы! Да они просто грязно воровали наши заслуги! Ха-ха! Ну кто поверит, что они могли убить десять тысяч вражеских солдат? Это же просто смешно! Глупо! Нелепо! Они ведь еще стырили немало вражьего добра! Разве должны были все эти вещи оказаться в их руках? Они воспользовались тем, что мы были заняты подсчетом военнопленных и уборкой трупов, и когда мы спохватились, они уже подчистую ограбили большую часть лагеря! А на чем они это все увезли? Правильно, на тележках, стыренных из лагеря Северо-западной армии!

Лицо Двэйна в этот момент выглядело пугающе. Последняя фраза в письме добила его окончательно.

"… Герцог Тюльпан теперь знает о том, сколько в моем отряде раненых и погибших. Прошу герцога оказать нам материальную помощь, а еще прислать нам месячный запас провианта".

"Так значит, он написал мне только за тем, чтобы потребовать провиант?"

Двэйн усмехнулся. Голос его был ледяным. Он с презрением откинул письмо на стол.

Он не стал тратить время на гневные речи, а сразу позвал своего телохранителя и тихо сказал ему:

- Немедленно пошли людей в ставку генерала Аэрпая. Пусть передадут ему мое приглашение явиться в крепость для обсуждения дела, о котором идет речь в письме.

Двэйн специально употребил слово "приглашение", чтобы его приказ прозвучал как можно мягче. На его лице появилась таинственная улыбка. Генерал Бохан, имевший опыт ведения дел с Двэйном, по его улыбке вмиг понял, что в этот раз Герцог Тюльпан по-настоящему рассердился.

Двэйн тяжело опустился в свое кресло. На его лице читалось спокойствие, однако, он уже в тайне готовил некоторый план… Похоже, этот генерал Аэрпай возомнил себя бессмертным. Ничего, он своего дождется.

http://tl.rulate.ru/book/96724/217555